

УДК 332.3(571.53(09)
ББК 65.281(253.5)г

А.М. КУРЫШОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматриваются экономические предпосылки реформы землепользования бурят Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. на основе, главным образом, данных подворной переписи 1887–1889 гг. (площадь пашни и площадь удобных земель на душу населения, данные об аренде земли). Делается вывод о земледельческом характере хозяйства большинства территориальных групп западных бурят и о наличии у бурят значительного количества фактически неиспользуемых земель.

Ключевые слова: буряты, Иркутская губерния, традиционное хозяйство, история землепользования.

A.M. KURYSHOV

ECONOMIC PREREQUISITES OF BURYAT LAND USE REFORM IN IRKUTSK PROVINCE IN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY

The article considers economic prerequisites of Buryat land use reform in Irkutsk province in the of XIX — beginning of XX century on the ground of 1887–1889 census of households (tillage area, tillable land area per capita, lease of land data). The author comes to the conclusion that most of the West Buryat territorial groups had agricultural type of farming and formidable amount of unused land.

Keywords: Buryat people, Irkutsk province, traditional farming, land use history.

Оптимизация землепользования коренного сибирского населения Сибири (оседлого и «кочевого») в конце XIX — начале XX в. являлась составной частью широкомасштабной реформы землепользования крестьян Сибири, которая, в свою очередь, осуществлялась, прежде всего, в интересах колонизационной политики царского правительства, активизировавшейся в связи с обострением земельного вопроса в Европейской России (проще говоря, властям нужно было освободить земли для переселенцев). В этом контексте в историографии ограничение землепользования коренного населения Сибири принято оценивать негативно, — «инородцы», якобы, потеряли возможность пользования значительным количеством земли, что отрицательно сказалось на развитии

их хозяйства и даже косвенно способствовало их «вымиранию». Такая точка зрения корнями своими уходит еще в оценку реформы землепользования социал-демократами начала XX столетия, по умолчанию видевшими в любых действиях правительства антинародную составляющую, а затем она была по понятным причинам подхвачена советской историографией. В наше время эта позиция популярна у историков — представителей региональных научных школ, ратующих за возрождение национальной самобытности «коренных народов». Например, утверждается, что один из крупнейших народов Сибири — буряты — в результате реформы «были вынуждены перейти на оседлый образ жизни, отказаться от периодических кочевок, все интенсивнее заниматься земледелием» [1, с. 25]. Попробуем выяснить, а были ли объективные хозяйственные предпосылки реформирования системы землепользования коренного населения Сибири, вылившегося в сокращение земельных угодий «иностранцев», на примере иркутских бурят, ранее своих восточных собратьев испытывавшие действие реформы.

Для Иркутской губернии вопрос земельного передела стоял наиболее остро, поскольку неизбежно сталкивался с проблемой традиционного землепользования бурят (представители других народов Иркутской губернии — эвенки, карагасы (тофы) и якуты — не занимались земледелием и, соответственно, их земли не подвергались землеустройству). Буряты занимали огромные пространства, удобные для земледелия. Поземельное устройство Восточной Сибири определялось Законом 24 мая 1896 г. и Дополнительными правилами 4 июля 1898 г. Основным содержанием земельной реформы являлось ограничение земель, находящихся в пользовании, 15 десятинами на душу, независимо от сословной принадлежности. Однако «иностранцы» при этом получили ряд привилегий. «Во 1-х иностранцам было предоставлено получить все их существующее пользование с условием доприселения на излишки сверх 15-ти дес. на душу новых членов общества, а при несогласии на доприселение — по собственному выбору получить по 15 дес. на душу. Во 2-х отводится по 3 десятины на душу леса, в 3-х — принимая во внимание, что скотоводство у них все еще значительнее крестьянского, для них оставлены во временное пользование выгонные степи... по 15 десятин на душу сверх основных наделов с имеющимися на них летниками» [3, оп. 3, д. 33, л. 2]. Кроме того, «иностранцы» имели возможность выбора удобных земель. В ряде случаев указанная норма в 15 десятин могла быть увеличена. И, тем не менее, хотя в 1896 г. начала проводится только подготовительная работа (топографическая съемка местности), в Иркутской губернии реформа столкнулась с сопротивлением бурятского населения, проживающего на территориях четырех из пяти округов (Иркутский, Балаганский, Верхоленский, Нижнеудинский). В результате землеустроительные работы были приостановлены. Основным аргу-

ментом в этом вопросе выступало то обстоятельство, что неизбежным следствием ограничения землепользования должна была стать ломка всего хозяйственного уклада бурят, связанная с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, поскольку традиционное скотоводческое хозяйство не могло быть обеспечено 15-десятиной нормой. Возобновились землеустроительные работы лишь в 1906 г. в связи с началом реформы П.А. Столыпина. Реформа землеустройства вызвала неоднозначные отклики, особенно после возобновления работ в 1906 г., — от призывов к скорейшему ее завершению [5, с. 54] до корректных утверждений о том, что в реформе «более всего отражается влияние русской культуры на бурятское население, которое переживает теперь наиболее интересный момент в своей истории — момент перехода от скотоводческого хозяйства к земледельческому» [2, с. 279], но «воздействие это... до сих пор не было особенно благоприятно для бурят» [Там же, с. 281]. И сторонники, и противники реформы сходились в одном — неприемлемости применения традиционных бюрократических методов, далеких от реальной жизни и не учитывающих особенностей быта местного населения. Но имелись ли у правительства принципиальные основания для начала реформы у бурят?

Факт существования у бурят Иркутской губернии развитого земледелия на рубеже XIX–XX вв. не подлежит сомнению. Еще в XIX в. земледелие у ряда групп прибайкальских бурят постепенно вытесняет скотоводство. Причем масштабы этого процесса были столь значительны, что вызывали беспокойство властей за будущее животноводства в крае. В документе, относящемся к 1812 г., найденном в начале XX в. в одной из волостей Верхоленского уезда и опубликованном в журнале «Сибирский архив», говорится: «Губернское правительство между прочим усмотрело, что, при маловажном земледелии у большей части братских скотоводство их год от году приходит до того в упадок, что можно считать его ничего не значащим. Известно, что здесь в прежние времена, когда братские совсем или очень мало занимались хлебопашеством, скотоводство было в возможно цветущем состоянии. По сему судя, полагать должно, что распространение земледелия у братских есть причина упадка скотоводства, ибо вместо того, что сие новое занятие должно бы сделать их трудолюбивейшими, они напротив, получая нужное содержание от хлебопашества, стали нерадивейшими к скотоводству» [7, с. 170].

В начале XIX в. еще не стоял вопрос о перераспределении земель инородцев, поэтому озабоченность чиновников распространением у бурят земледелия в ущерб скотоводству кажется достаточно искренней. С течением времени хлебопашество становится основным занятием для многих бурят. По данным местной подворной переписи 1887–1889 гг., предпринятой в интересах исследования сельских районов губернии в преддверии грядущей реформы, в Иркутском, Балаганском и Нижне-

удинском округах площадь пашни по отношению ко всей «удобной» земле среди русских волостей варьируется от 8,0 до 37,9 %, среди бурятских ведомств — от 2,8 до 30,8 % [9, с. 39]. В Верхоленском округе среди ведомств этот показатель колеблется в пределах 4,7–31,5 % при среднем значении 15,2 % в волостях [11, с. 67]. Исследователи отмечают, что в целом, в сравнении с территориями, населенными преимущественно русскими, «инородческие земли отличаются сравнительно меньшим развитием площадей усадьбы и пашни и значительно большим — покосов», что косвенно может свидетельствовать о еще значительной роли скотоводства в бурятском хозяйстве [9, с. 38]. Однако, показатель площади пашни к площади всей удобной земли, будучи показателем количественным, не может являться главным признаком, характеризующий уровень развития земледелия. Например, упомянутая минимальная величина для бурятских ведомств (2,8 %) относится к единственному в Нижнеудинском уезде ведомству (Нижнеудинская землица), население которого давно перешло к оседлому образу жизни, имело статус оседлых, а не кочевых инородцев и занималось почти исключительно земледелием.

Малая величина площади пашни к площади удобной земли здесь объясняется тем, что в пользовании нижеудинских бурят находились огромные лесные пространства, также включаемые в разряд «удобных земель». Поэтому гораздо более важным показателем представляется величина площади пашни, приходящейся на человека. В нашем распоряжении есть данные подворной переписи о площади пашни на приписную душу у инородцев. Эта величина составляла: в Иркутском округе — 3,1, в Балаганском — 5,5, в Нижнеудинском — 3,5, в Верхоленском — 4,0 десятины [8, с. 106; 11, с. 91]. Разумеется, что это лишь средние цифры, они значительно разнятся по отдельным бурятским ведомствам и русским волостям. Значительную роль в этом вопросе играет географическое положение. Значение земледелия для бурятского населения может быть проиллюстрировано табл. 1 [9, приложение IV, с. 43; 11, с. 91].

Таблица 1

**Площадь пашни (с залежами) на приписную душу
в бурятских ведомствах Иркутской губернии
по результатам местного исследования 1887–1889 гг.**

Ведомства	Десятин
Иркутский округ	
Кудинское	3,8
Капсальское	4,3
Китойское	4,2
Тункинское	1,9
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	3,1
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,4

Окончание табл. 1

Ведомства	Десятин
Балаганский округ	
Молькинское	4,4
Улейское	5,8
Бильчирское	5,7
Укырское	9,5
Боханское	7,5
Балаганское	4,0
Аларское	6,2
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	5,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
Нижнеудинский округ	
Нижнеудинская земляца	3,5
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	3,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
Верхотенский округ	
Верхне-Кудинское	2,8
Баендаевское	4,3
Хоготовское	4,6
Куленгское	3,2
Ленское	4,7
Ангинское	4,4
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	4,0
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,1
Средний показатель по губернии по ведомствам	4,0
Средний показатель по губернии по русским волостям	4,0
Средний показатель по губернии	4,0

Как видим, наряду с районами животноводческими (например, Тункинская долина), существовали ведомства исключительно земледельческие. Так, в Боханском и Укырском ведомствах Балаганского округа «почти все население занято земледелием» [3, оп. 1, д. 378, л. 7], площадь пашни здесь составляла 7,5 и 9,5 десятин на приписную душу соответственно (последнее значение — наибольшее в губернии). В трех ведомствах из четырех Иркутского округа этот показатель превосходил среднюю величину по крестьянским волостям того же округа. В целом, величины площади похотных земель, находящихся в пользовании инородцев и русских крестьян, вполне сопоставимы. Однако и показатель площади пашни на приписную душу не отражает реального положения дел, поскольку, во-первых, количество приписного и наличного населения различно, во-вторых, в состав пашни входят как запашка («мягкая пашня»), непосредственно обрабатываемая, так и залежи. Поэтому представляется необходимым проанализировать данные о площади запашки, которые представлены в табл. 2 [10, с. 92–93; 11, Поселенные таблицы, с. 62, 67, 72, 77].

Таблица 2

**Площадь мягкой пашни на наличную душу (обоего пола)
в бурятских ведомствах Иркутской губернии
по результатам местного исследования 1887–1889 гг.**

Ведомства	Десятин
Иркутский округ	
Кудинское	1,76
Капсальское	2,13
Китойское	1,98
Тункинское	1,01
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,72
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,81
Балаганский округ	
Молькинское	2,03
Улейское	2,78
Бильчирское	2,66
Укырское	3,91
Боханское	3,54
Балаганское	2,99
Аларское	2,78
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	2,96
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,33
Нижнеудинский округ	
Нижнеудинская земляца	1,87
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,87
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,21
Верхоленский округ	
Верхне-Кудинское	1,20
Баендаевское	1,72
Хоготовское	1,90
Куленгское	1,66
Ленское	2,07
Ангинское	2,23
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по ведомствам</i>	1,80
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,58
Средний показатель по губернии по ведомствам	2,09
Средний показатель по губернии по русским волостям	1,98
Средний показатель по губернии	2,04

Таким образом, площадь запашки в ведомствах в целом по губернии даже выше, чем в волостях. Разумеется, это не говорит о том, что бурятское земледелие было совершеннее крестьянского. Это говорит, скорее о том, что среди крестьян ощущалась нехватка земли. И все же, приходится признать, что уровень развития земледелия у бурят если и уступал таковому у русских, то ненамного. По данным переписи 1897 г., непосредственно перед реформой, 21 491 из 24 377 самостоятельных хозяев-бурят (98 786 человек с членами семей из 108 867), или 88 % (91 % населения),

основным своим занятием называли земледелие, и лишь 6449 человек (около 6 % населения) считали себя скотоводами [12, с. 115].

Интересно, что площадь пашни так называемых «кочевых» инородцев зачастую превосходит таковую у инородцев «оседлых». Так, в уже упоминаемом ведомстве Нижнеудинская земля, она меньше, чем в Ленском ведомстве Верхоленского округа, где «оседлых» почти не было. Куленгское ведомство того же округа также отличается сравнительно низкой величиной площади пашни от соседних ведомств, хотя именно здесь отмечен наибольший процент оседлых инородцев [11, с. 11]. Подобная ситуация наблюдается и в Тункинском ведомстве, где площадь запашки минимальная для ведомств, население занималось преимущественно скотоводством, и, вместе с тем, в этом ведомстве наименьший для Иркутского округа процент кочующих инородцев [8, с. 149]. Но теми же исследователями отмечается, что многие «оседлые» инородцы кочуют так же, как «кочевые» [Там же, с. 150]. Все эти факты указывают на относительность понятий «кочевой» или «оседлый» в условиях Иркутской губернии. Действительно, кочевой образ жизни прибайкальских бурят был мало похож на классическое «номадное» скотоводство забайкальских бурят и монголов. Буряты имели постоянные жилища, скот лишь на период с мая по сентябрь перегонялся на летние пастбища, которые также были постоянными, здесь же располагались летние жилища, так называемые «летники» [4, оп. 1, д. 622, л. 1; 8, с. 137]. Но и такой порядок подвергался постепенному изменению в сторону отказа от периодических кочевок. Так в Нельхайском ведомстве Балаганского уезда к 1900 г. из 30 улусов 13 перестали кочевать и 7 продолжали делать это время от времени [3, оп. 1, д. 7, л. 24]. Количество скота у бурят, довольно значительное в сравнении с русским населением, но недостаточное с точки зрения кочевника, живущего скотоводством, также не может являться свидетельством преобладания скотоводства над земледелием (например, в 1899 г. в Иркутском уезде на душу приходилось 5,1, в Верхоленском — 5,2, в Балаганском — 3,9 головы различного скота) [3, оп. 1, д. 7, л. 10, 17, 20, 24]. Регулярное сенокосение, сравнительно небольшое для «номадного» хозяйства количество скота и постепенный отказ от кочевок роднит бурятское скотоводство с животноводством русских крестьян. Качественный состав скота иркутских бурят также нехарактерен для хозяйства монгольского или забайкальского типов, где «конские табуны преобладали над стадами крупного рогатого скота» [6, с. 5]. В Прибайкалье картина прямо противоположная. В Верхоленском округе, самом «неземледельческом» из округов с бурятским населением, в 1889 г. на одно наличное хозяйство приходилось 2,2 рабочих лошадей и 8 голов КРС (у русских крестьян — 2,4 и 3,5 соответственно) [11, Поселенные таблицы, с. 65, 75]. Такой характер скотоводства облегчал интеграцию традиционного бурятского хозяйства и хозяйства крестьянского, также ориентированного на природные особенности региона.

Иными словами, в конце XIX — начале XX в. в бурятском хозяйстве не просто имели место предпосылки перехода к земледелию, — оно уже было земледельческим, но, вместе с тем, обладало специфическими чертами. Черты эти, связанные, главным образом, со значительной ролью скотоводства, являются не столько «пережитками» традиционного хозяйства, приписываемого кочевникам, сколько оптимальными в данных географических и социальных условиях формами хозяйственной деятельности.

Естественно, что кочевки, хотя незначительные и непостоянные, а также еще сохраняющее свое значение скотоводство требовали определенных условий, в частности — земельных площадей. В конце XIX в. буряты имели в пользовании обширные земли. По качественным характеристикам земля делилась на удобную и неудобную. Удобная земля, в свою очередь, подразделялась на шесть типов угодий: усадебные земли, пашня и земли, удобные для пашни, покосы, скотские выгоны, степь и лес. Площадь этих угодий в крестьянских и инородческих хозяйствах четырех округов Иркутской области показана в табл. 3 [9, Приложение IV, с. 18–20; 11, с. 60–61] (площадь усадеб инородцев, обычно располагавшихся на утугах (удобряемых, а иногда и орошаемых покосах) исследователями как правило включалась в площадь покосов).

Таблица 3

**Площадь удобных земель, находящихся в пользовании крестьян
и инородцев-бурят Иркутской губернии
по результатам исследования 1887–1889 гг.**

Категории населения	Удобных земель в пользовании, дес.					
	усадебная	пашня	покосы	выгоны и степь	лес	итого
Иркутский округ						
Русские крестьяне	5 767,1	109 220,8	46 782,2	40 298,6	329 608,3	531 677,0
«Инородцы»	266,6	69 025,8	60 495,5	78 826,4	191 219,8	399 834,1
Балаганский округ						
Русские крестьяне	4 804,1	171 361,5	58 798,6	87 756,7	331 027,0	653 747,9
«Инородцы»	428,9	187 920,1	140 279,8	267 373,2	604 411,2	1 200 413,2
Нижнеудинский округ						
Русские крестьяне	2 842,6	137 574,1	81 288,6	62 121,6	530 250,4	814 077,3
«Инородцы»	47,5	6 514,4	9 157,0	2 056,3	67 308,5	85 083,7
Верхотенский округ						
Русские крестьяне	3 213,9	50 708,9	29 996,8	22 140,5	251 044,6	357 104,7
«Инородцы»	–	69 576,4	53 261,9	112 761,7	244 237,0	479 837,0
Итого по губернии						
Русские крестьяне	16 627,7	359 644,5	174 762,2	212 317,4	1 441 930,3	2 356 606,9
«Инородцы»	743,0	333 036,7	263 194,2	461 017,6	1 107 176,5	2 165 168,0

Как видим, относительно немногочисленные инородцы пользовались 48 % земельных угодий на территории четырех округов. Исключив леса, составляющие зачастую более половины всех земельных угодий, и сопо-

ставив площадь оставшихся земель с численностью населения, получаем следующие данные: на душу населения у инородцев Иркутского округа приходилось 6,9 дес., Балаганского округа — 11,1 дес., Нижнеудинского округа — 14 дес., Верхоленского округа — 11,7 дес., в среднем по четырем округам — 10,9 десятин. У русских крестьян эти показатели — 3,7 дес., 5,2 дес., 7,2 дес., 3,2 дес. и 4,8 десятин соответственно. Не случайно, что именно инородческие ведомства стали главным объектом земельной реформы, — даже если рассчитать площадь земель крестьян на приписную душу, полученный результат — 9,6 десятин — явно не дотягивает до установленной властями 15-десятинной нормы, тогда как у инородцев эта величина составляет 19,2 дес. Конечно, говоря о явном количественном превосходстве бурятского землепользования над крестьянским, нельзя не учитывать некоторые моменты. Во-первых, разработка земли, ее включение в сферу деятельности человека, на степных пространствах значительно дешевле, чем в таежной зоне. Особенно это справедливо для пахотных земель: «Буряту, обеспеченному мелколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу» [10, с. 6]. Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге доходила до 100 р., то, например, в степном Боханском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 р. [Там же]. Во-вторых, в степных районах, где обычно и проживали инородцы, низкое качество почв, неглубокий снежный покров (что создавало проблему для посевов озимой ржи) заставляли земледельцев расширять площади посевов. Наконец, в-третьих, значительная роль скотоводства определяла нужду в утугах и выгонах, о чем говорят процентные показатели этих видов угодий по отношению к площади всей удобной земли. Например, в Верхоленском районе выгон у инородцев составлял 23,5 %, тогда как у русских — 6,2 % [11, с. 61]. И, тем не менее, не все земельные площади, состоящие в пользовании, буряты использовали. Об этом красноречиво говорят сведения по сданной в аренду земле.

Во время подворной переписи, как отмечали исследователи, население давало неверные сведения по поводу сданной и арендованной земли: «В сокрытии населением части случаев сдачи — лицам, производившим местные исследования, приходилось убеждаться неоднократно, причем нетрудно было выяснить и мотивы такого сокрытия. Дело в том, что ожидая в результате статистической переписи каких-либо правительственных мероприятий, направленных, между прочим, и к земельному устройству, местное население (особенно — инородческое) остерегалось показать себя богатым земельными угодьями» [9, с. 260]. Сопоставляя данные по аренде и сдаче, исследователи выяснили, что сельские жители сокрыли в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах 39 % сданной в аренду пашни и 66 % покосов [9, с. 261], в Верхоленском уезде — 32 % и 53,5 % соответственно [11, с. 125]. Реальная сдача земли в аренду составила по

четырем округам: пашни — 37 622,6 дес. у русских крестьян, 8015,9 дес. у бурят; покосы и утуги — 58 505,5 дес. у русских, 89 112,7 дес. у бурят; общее количество — 96 128,1 десятины у русских, 97 128,6 десятины у бурят.

Как видим, цифры очень близки, причем интересно, что русские сдают в основном пашню, которой им не хватает, а буряты — особо ценные для них, как для скотоводов, покосы. Но дело в том, что арендуют эту землю различные категории населения. Если русские крестьяне сдают землю в основном в своей волости, т.е. земля перераспределяется от более обеспеченных к менее обеспеченным хозяевам, то буряты значительную часть земли сдают на сторону, как правило, в соседние русские волости. В волостях на сторону сдавалось менее 1 % пашни и 32 % покосов от количества земли, сданной в своей волости, в ведомствах эти показатели соответствуют 32 % и 200 % [9, с. 261]. Относительно Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов известно, что «из 39,9 %, т.е. 66 500 дес. покосов, снимаемых населением волостей вне пределов владения каждой отдельной, 88,7 % приходится на ведомства; в соседних волостях арендуется только 4,7 % ... С другой стороны, из 59 560 дес. (39,6 %), сдаваемых инородческим населением, 98,5 %, т.е. две пятых всех душевых покосов, ими владеемых, сдается в волости и только 1,5 % городским жителям и инородческому же населению» [9, с. 284]. В Балаганском округе у русских крестьян арендованные в бурятских ведомствах покосы составляли 88 % от собственных [9, с. 285]. Буряты единственного в Нижнеудинском уезде ведомства, население которого составляло всего 1270 человек, сдавало в аренду 2929 дес. покосов, причем 2230 из них — русским крестьянам (табл. 4 [11, с. 129, 137]). Естественно, что социальная дифференциация у бурят и их вынуждала арендовать земли, но все же большую часть арендаторов составляли русские крестьяне. Это и не удивительно: переселенцы из других регионов России селились, как правило, на территориях волостей, именно они и формировали спрос на землю — от 68 до 86 % переселенцев (в зависимости от округа) были безземельными [10, с. 5].

Таблица 4

**Средние величины сдачи и аренды покосов и пашни
в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском и Верхоленском округах
Иркутской губернии по результатам исследований 1887–1889 гг.**

Вид угодий		% сдающих хозяйств	% арендующих хозяйств
Покосы	Русские крестьяне	32,9	32,1
	«Инородцы»	56,2	12,3
Пашня	Русские крестьяне	26,7	21,5
	«Инородцы»	9,7	7,0

Интересно, что сдача в аренду покосов осуществлялась, как правило, на один год, тогда как на пашню преобладала долгосрочная аренда. Такое положение дел свидетельствует о том, что покосы имели в местных условиях особую ценность, кроме того, ежегодный пересмотр

условий аренды позволял учитывать рыночную конъюнктуру. Вероятно, сдача покосов в аренду была для инородцев немаловажной статьей доходов. Интересно и то, что позднее, с началом реформы землеустройства, выступающие против реформы буряты, по-видимому, не изменили обычной практике сдачи земли. Так, отмечается, что в 1905 г. инородцы Аларского ведомства (кстати, уполномоченные от этого ведомства подавали прошения о приостановлении работ по землеустройству несколько раз вплоть до 1909 г.) сдали в аренду крестьянам села Голуметь 296,5 дес. пашни и дополнительно сенокос на 32 710 копен, — всего на сумму 2561 р. 50 к. В 1907 г. крестьяне Каратаевского сельского общества арендовали у инородцев Аларского ведомства 188 дес. пашни, 68 дес. залежей, сенокосные угодья на 9055 копен, — всего на сумму 872 р. 70 к. [3, оп. 1, д. 7, л. 207]. По поводу использования сенокоса «Каха» в 30–40 верстах от Ирхедеева рода Аларского ведомства отмечается, что «в течение последних 30-ти лет ни один бурят 1-го Ирхедеева рода не скошил ни одной пяди на этом сенокосе. Осинские крестьяне платят бурятам по 30–50 р. за пользование этим сенокосом» [3, оп. 1, д. 7, л. 182].

Из всех приведенных фактов можно сделать некоторые выводы. Во-первых, земледелие для большинства бурят Иркутской губернии к концу XIX в. являлось основным занятием и средством к существованию. По своим качественным характеристикам оно еще уступало хозяйству русских крестьян, обладало рядом особенностей. Однако эти особенности не могут служить аргументами утверждения о том, что реформа землеустройства преждевременна вследствие неразвитости у бурят земледелия. Безусловно, в Иркутской губернии ощущался недостаток удобных для хозяйственной деятельности земель (учитывая географические особенности), особенно в среде русского крестьянства. Вместе с тем, значительные размеры сдаваемой в аренду «на сторону» состоятельными бурятами земли указывает на возможность земельного передела, если не в пользу переселенцев, то в пользу бурятских бедняков. В земле нуждались в первую очередь крестьяне, а спрос на землю удовлетворялся в значительной степени за счет предложения со стороны соседей-инородцев. В пользовании богатых бурят имелись значительные площади, важные для них с точки зрения получения дохода, но отнюдь не непосредственного использования. Состав земель, сдаваемых инородцами в аренду (а это в основном покосы), не согласуется с тезисом о преимущественно скотоводческой направленности хозяйства бурят Прибайкалья. Имелись ли излишки земли в Иркутской губернии в целом, которые могли использоваться для нужд переселенцев — отдельный вопрос. Но приходится признать, что не все земли, находящиеся в пользовании инородцев, ими использовались по назначению.

Следует иметь в виду и еще одну сторону реформы землеустройства — уравнительное перераспределение земель в пользу беднейших

слов бурятского населения, упорядочивание земельных отношений, юридическое закрепление прав на землю. Все это — те точки соприкосновения «инородцев» и государственной власти, которые делали реформу не только возможной, но и желательной.

Список использованной литературы и источников

1. Богданов Г. Н. Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке / Г. Н. Богданов // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., 7–8 июня 2001 г. — Иркутск : Изд-во ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. — С. 23–44.
2. Братский М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии / М. Братский // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 278–288.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 171 (Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии).
4. ГАИО. — Ф. 293 (Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества).
5. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири / Д. Зайцев // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 49–54.
6. Зуляр Ю. А. Основные этапы животноводческого освоения Байкальской Сибири в XX веке / Ю. А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. — С. 5–17.
7. К истории бурятского хозяйства / Н. И. С. // Сибирский архив. — 1912. — № 3. — С. 170.
8. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. II. — М., 1890. — 343 с.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. III. — М., 1890. — 295 с.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. — Т. II. — Вып. IV. — М., 1890. — 426 с.
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округ Верхоленский. — Т. II. — Вып. VI. — Иркутск, 1892. — 508 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXV : Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. статист. комит. МВД, 1904. — 171 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.